

ВЯЧЕСЛАВ ЛОПУШНОЙ

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ОТКРОВЕНИЙ В «ФЕЙСБУКЕ»

Лет семь тому, после короткой эйфории от появления собственного сайта, я понял, что редкая птица долетает до его середины. И не нашёл ничего лучшего, чем «эмигрировать» в паутину «Фейсбука». Да ещё подсадил на этот наркотик и несколько своих очных друзей-поэтов. Разумеется, кое-что тут может раздражать, как и в любой другой соцсети. Зато твои публикации, называемые постами, кто-то постоянно читает, комментирует, сам комментируешь других. Сегодня – это и самая объёмная аудитория, на суд которой выносятся творчество («стихири», «избы» и пр. в сравнении просто отдыхают). Это и стихи, и род публичного дневника, и мини-эссе да ещё обратная связь с виртуальными друзьями, заглянувшими к тебе на огонёк. Френдов этих вовсе не коллекционирую. Но получилось, что среди них много замечательных собеседников, в том числе немало литераторов из разных регионов России, и зарубежных тоже. Где бы ещё я мог подружиться и состоять в личной переписке с Юнной Мориц, Катей Горбовской, Виктором Кирюшиным, другими авторами, не столь известными, но не менее интересными. И получаешь от них порой неожиданные сюрпризы-подарки. Например, Слободанка Антич, знаменитая писательница из Сербии, перевела на сербский несколько моих стихотворений, теперь уже и в своей книге. А я перевёл на русский строки видной украинской поэтессы Тетяны Яковенко, она – мои на украинский. К слову, нередко представляю на своей странице поэтов, которых люблю, и земляков, конечно, тоже. И вот подумалось, кое-что из этих постов может оказаться занятным для читателей «Огней». Боюсь, правда, что из этих отрывков неизбежно получится некая окрошка. Ну так сия интеллектуальная сеть и есть окрошка из мнений, толкований, откровений... Итак, поехали.

БЕСЕДЫ С Л. ТОЛСТЫМ

Чего-то кисловато на восьмом десятке. Может, потому что слишком серьёзно стал воспринимать тяготы жизни, события, мнения людей и т. д.? Вспоминаю прочитанные когда-то дневники Л. Толстого. Велик он был, спору нет, но до чего же серьезен! Не знаю, может, как говорили в моей молодости, каждый понимает в меру своей испорченности, но, читая эти архисерьёзы, нет-нет да улыбался. Кое-что осталось в памяти.

За точность цитат не ручаюсь, но будет очень близко: «Если вам есть что сказать, что-то волнуется, выражайте свои мысли, хотя бы и через печать. Но делать из это-го профессию – всё равно, что женщине делать профессию из таинства и процесса деторождения...» «Всю жизнь спускаю своё мнение о женщинах. Но, оказывается, надобно ещё спускать и спускать...» А вот это «улыбнуло» более всего: «Поэт вырывает всё лучшее из своей жизни и кладёт в стихи. И потому стихи его прекрасны, а жизнь дурна». Повеселило настолько, что неожиданно потянуло улыбнуться над собой, адресовал четыре строчки любимой женщине:

*Меня вдруг осенило с бодуна:
Как повезло тебе, мой светоч ясный!
Пускай не все стихи мои прекрасны,
Зато и жизнь не полностью дурна!*

БЫЛ ПЁС, А УМЕР, КАК ЧЕЛОВЕК

Имя плодовиной советской поэтессы, сталинского лауреата Веры Инбер, если и слышал кто-то из «генерации П», то благодаря едкому слововёрту в её адрес, что приписывается Маяковскому и не ему одному: «Ах, у Инбер, ах, у Инбер – что за шейка, что за лоб! Всё смотрел бы, всё смотрел бы, всё смотрел бы на неё б!». Сим мадригалом В. В. якобы доказывал поэтессе, что её невинные на печати строки («Не руби лихую голову!») вовсе неприличны на слух, чем нельзя пренебрегать пишущему. Этот каламбур давно вышел за пределы писательской среды...

Так вот. Глянул в «Википедию»: у Инбер издано около 30 книг! Что-то читал, о чём-то слышал. Но запомнились только её остроумно-фривольная песенка 1920-х годов – «Девушка из Нагасаки», реанимированная в моём студенчестве 60-х, и... «Сеттер Джек», над которым я плакал в детстве и который заканчивается словами, вынесенными в заголовок. Кто знает, может быть, «Сеттер», эта маленькая история жертвенной любви брата меньшего к человеку, эти неприязательные стихи, написанные тоже в 20-е, перевешивают все её тома?.. У меня совсем плох 13-летний пёс Тима. Больно смотреть. Понимаю, это мало что значит по сравнению с несчастьями, которые обрушиваются на людей. И всё же чувствую, что не зря очеловечил свою собаку. Кто знает, может, этот отрывок тоже лучшее, что я написал:

*...Но если, нервами стреножен,
Приду домой, горяч зело,
С моей – кирпич просящей – рож
Ты мигом слизываешь зло.
Ты любишь так непостижимо,
В тебе такой любви запас,
Какой – до дней последних жизни –
Дай Боже каждому из нас.*

ЕСЛИ БОГ ВСЕМОГУЩ

Странно: читать и писать каракулями научился очень рано, но в островках воспоминаний из нежного детства почему-то не сохранилось ни единого эпизода, где меня учили бы алфавиту. Сразу вижу себя выводящим на открытке пляшущими буквами какое-то поздравление маме. Не знаю, может, в утробе нечаянно обучился? А если серьёзно, то, конечно, ничего в этом нет особо удивительного: на полочках памяти очень мало проявляется из происходившего до того, как ты начал-таки себя крепко помнить. Какие-то яркие моменты с сильными эмоциями близких...

Но вот хорошо уже помню, что в пять лет вдруг начал донимать свою мамушку дурацким вопросом: а сколько лет я проживу? Она, конечно, не знала, что ответить, отнекивалась. Но я не отставал. Наконец неосторожно уронила: ну, не знаю, лет 80... Так случилось, что мои бабушки-дедушки прожили несравнимо меньше: я никого из них не застал на этом свете. И, наверное, мама – ей, прошедшей войну, было под сорок – решила, что эта цифра меня вполне устроит. А я разве что не заплакал: почему ж так мало? Тем более что брат – он на девять лет старше – как раз сообщил мне сногшибательную новость: окружающее нас пространство бесконечно, как и количество миров, в нём летящих! Лучше бы он этого не говорил. Как же так? Вселенная и жизнь в ней вечна, а я – нет?! Стал донимать брата: «А вот если улететь дальше звёзд на небе, что там?» «Пустота», – отвечал он. – «А за ней?» – «Скорее всего, другие звёзды».

А за ними?.. Но, хотя, если представить, что есть конец всех россыпей звёзд, то что-то же должно быть и за тем концом! Возможно ли это постичь?.. Наверное, неслучайно потом, среди первых моих стихов, оказались вот эти строки – фрагмент из «На катке»:

*...Вплавленность всего земного в этот
Ниоткуда в Никуда полёт...
И тогда внезапно стихнет ветер,
А дорожка под коньком – замрёт...
И становится безумно грустно –
Зябко ощущать, как никогда,
Найденность мерцающего чувства
В Хаосе Нетающего Льда...*

Безутешен я до сих пор. И не из-за приближения возраста, названного мамой, который мне совсем уже не кажется недостаточным. Но по-прежнему верю и не верю в означенную бесконечность. Видимо, потому, что мозг ограничен черепной коробкой, и какое бы в нём ни было великое множество клеток, он безнадежно конечен. И как же конечное может примириться с беспредельностью?! Средневековые теологи задавались вопросом: «Если Бог всемогущ, то может ли он

создать такой камень, какой сам не сможет поднять?» А здесь... Неужели Бог создал Нечто Такое, чего сам не может охватить? Или Вселенная – это и есть Бог? Всемогущий, посылающий нам малые толики своего необъятного мыслящего чувства! И тогда интернет – это всего лишь ниспосланная нам игрушечная модель вселенского информационного поля...

НЕ ЗНАЮ НИКАКОЙ МОЕЙ ВИНЫ

Впервые попал в пионерлагерь, когда во второй класс только перешёл. Понятно, что входил в отряд таких же недопионеров. Помню, там считалось не то чтобы нормальным, но небольшим грешком – подворовывать помалу конфеты из тумбочек соотрядников. А наш вожатый, студент-первокурсник и добрейший малый, «политбеседы» с нами на эту тему проводил: мол, делиться надо, не ко всем же приезжают родители и привозят сладости.

Но однажды экстренно собрали вселенную линейку. На повестке дня – воровство одной девочки, по виду – пятиклассницы. Старшая пионервожатая произнесла короткую обличающую речь: девчонка стащила часы, вроде бы перед кем-то покрасоваться. Однако пощады ей не было: исключение из пионеров. Несчастливая покорно стояла, пока на ней под сотнями взглядов развязывали галстук, но глаза её были вызывающе сухи. Рядом стоял невероятно грозный начальник лагеря, не вмешиваясь, но готовый пресечь попытку сопротивления. На дворе был 53-й год, и в тот момент мне казалось, что с человеком не может произойти ничего страшнее, чем такая гражданская казнь, хоть я и не знал тогда этого словосочетания...

Конечно, не ведаю, как сложилась судьба той отроковицы. Но почему-то кажется, что не очень хорошо: боюсь, она потом мстила за своё унижение... Так вышло, что годы спустя меня, новоиспечённого инженера, угораздило попасть в другой лагерь: мастерил, отбывая срок молодого спеца на ударной комсомольской стройке в... зоне строгого режима. В один из активированных жуткоморозных дней разговорился (а потом и подружился) с бригадиром – матёрым рецидивистом весьма неслабого интеллекта. От тюрьмы, от сумы... Во всяком случае, выяснилось, что поэзию он знал гораздо лучше меня. Так вот, я услышал похожую историю из его школьной жизни... А ту девчущку жаль до сих пор, так и вижу боль, застрявшую в её глазах. Как у Твардовского: «Не знаю никакой моей вины... но всё же, всё же, всё же...»

ЗАКОН НЬЮТОНА – ЛОПУШНОГО

Когда-то в беседах с друзьями об этом упоминал. Но сейчас хочу по всей науке... В далёкой юности внутри Первого закона Ньютона я открыл свой закон. Боже упаси, не собирался спорить с Исаак Исаакычем.

Только взаимодействие физических тел распространил на живые души. Мой очеловеченный закон зазвучал так:

«Каждая душа пребывает в состоянии относительного покоя или безмятежного прямолинейного движения, пока другая душа не побудит её изменить это состояние».

Престарелую физичку не очень впечатлило моё прозрение. А русачке вообще показывать не стал. Что она могла мне сказать, кроме: «Ты лучше правила на зубок учи и к сочинению «Онегин – умная ненужность» готовься. Не любил ни то, ни другое... Разумеется, мне в то время и в голову не приходило запатентовать закон. Ну, какое там! 9-й класс, 61-й год. И лишь в 90-х ко мне пришли вот эти строчки, непостижимо связанные с моим открытием. Строчки, которые как нельзя лучше иллюстрировали закон, ибо так и случилось в моей жизни:

*...И, сединою убелённому,
нести мне до последних дней
нечаянно приобретённую
тревогу на душе моей!*

Нет, неслучайно пришёл сей образ. Это звучало как напоминание... Что ж, думаю, и теперь ещё не поздно предъявить свои авторские права! Начну с «Фейсбука», поскольку о защите таковых на всё, что публикую здесь, объявлял ранее.

Итак, настоящим заявляю, что вместе с Исааком Ньютоном являюсь соавтором Первого закона Ньютона. Формулировка приведена выше. С подлинным верно!

НЕСУСВЕТНАЯ ГЛУПОСТЬ МОЯ (строчка из песни Вл. Высоцкого)

Дату отмечаю. Сорок лет тому меня, только что перешагнувшего тридцатник главинженера стройуправы, угораздило пуститься на несусветную глупость, то бишь на дебют стихами – да ещё дуплетом – в краевом литжурнале и областной газете. В те времена наш народ, не измождённый борьбой за выживание, а потому слишком добрый, очень уважал любого индивида, способного ладно скроить пару десятков строк. А уж напечатавшегося да по «радиву» прочитанного – без меры... Многие звонили, поздравляли: «Где ж ты, старичок, раньше был? Пошто талантишко в землю зарывал?!»

Но это народ. А вот мой верхний шеф (газеты он, понятно, читал) на планёрке поглядел на меня с каким-то подозрением. Наверное, подумал: «Не слишком ли много свободного времени у этого главинжа, чтобы заниматься глупостями, когда объекты надо сдавать?» И уж вовсе «невыразимая печаль открыла два огром-

ных глаза» моей юной, но не по годам мудрой жены. До этого она, вероятно, думала, как матушка Сергея Лександрыча, что где-то впереди светит мне «с таким умом пост председателя волисполкома». А тут вдруг нутром поняла: что-то завидное или прибыльное из этой запоздалой авантюры вряд ли выйдет. С такими тараканами в голове, ни с того ни с сего расплодившимися, мужу не то что кресло начглавка, но и кресло управстройтреста не замаячит. Супруга оказалась права.

А что же вышло? Четверть века спустя один наш журналога-язвостлов представил меня публике примерно так: «...самый выдающийся поэт России... среди директоров по строительству». Не скрою, я немного напрягся в первый момент, но тут же нашёл, как отшутиться: «В конце концов Тютчев был самым выдающимся российским поэтом среди дипломатов, Фет – среди мировых судей, а Некрасов – среди... преферансистов». (Последний, действительно, был феноменальным игроком, зарабатывая картами сумасшедшим по тем временам деньги – более ста тысяч серебром в год!) И всё-таки свезло мне. Ведь почти полвека провёл на стройке или в тесном соприкосновении с оной... в свободное от стихов и прочих лит. изысков время. Грешен, где-то пренебрегал своими обязанностями, мог запереться в кабинете и что-то кропать, а в разгар сурьёзного собрания, как говаривал Достоевский, манкировать всему присутствию... воспарить и в облако укутаться. Но всё сходило везунчику с крыл. Ни разу не уволили с работы, как персонажа платоновского «Котлована» – «по причине задумчивости среди общего темпа труда». А моя ненаглядная даже и к начальнику главка не ушла...

САДИСТСКИЕ ЗАБАВЫ

Когда дочери было лет восемь, мне втемяшилось провести с ней маленький тестик. Как ты, говорю, поняла бы строчку Маяковского: «...мама, ваш сын прекрасен болен»? Озадаченный ребёнок битый час мучился: «Ну, наверно, это когда болезнь нестрашная». Выпучиваю глаза: «Стрррашная!..» Она не верит, гадает: «Нога болит?.. Палец ноги?.. Рука?» Я засмеялся: «Ты почти угадала. У твоей бабушки-врачихи была любимая поговорка – «Хорошая штучка, когда болит ручка – кушать можно, а работать нельзя!»

Наконец сжалился, открыл ей тайну строки. А следом ещё коварно подкинул знаменитый шуточный диктант – про... небезызвестную вдову подьячего, что потчевала коллежского асессора... Вестимо, взрослые люди, самонадеянно считающие себя грамотными, делают в этих 19 словечках, не лежащих под рукой, больше 20 ошибок. Малая сделала 43. (Не страшно, если вовремя принять меры: к концу школы она мне в русском уже не уступала...)

А недавно усадил за тот же диктант девятилетнего внука-хоккеиста. Результат – 35. Я остался доволен, тем более он меня потряс верным написанием «небезызвестная»... К слову, никто из двух поколений моих потомков стихов не писал и не пишет. К счастью. Потому как, сдаётся мне, больше одного поэта на семью... это был бы крупный перебор!

УСТАМИ РЕБЁНКА

Аринка, семилетняя внучка, стойко выдержала мой юбилейный вечер на 70 лет. В самом конце только чуть-чуть прикорнула. Зато после забросала меня вопросами каверзными:

– Деда, ты – настоящий русский поэт?

Смеюсь:

– Настоящий, любой может потрогать.

– И тебя весь мир знает?

– Ну что ты, мир большой. (Улыбаюсь.) В Австралии, Африке и Южной Америке – никто и слыхом не слыхивал. В Индии и Китае – тоже. Уже больше половины глобуса – мимо. Но кто-то и в мире знает, раз в России и за рубежом печатают.

– А у нас в городе?

Вопрос на засыпку, но честно отвечаю:

– Те, кому интересна поэзия. Но если встать на улице и подряд у всех прохожих спрашивать, то, боюсь, припомнят очень немногие.

– А есть поэты, кого все-все знают?

Задумываюсь.

– Есть! Все наши города и сёла, все улицы знают Пушкина, Лермонтова и Есенина. Каждый хоть что-то, да читал у них!

– А сколько у нас поэтов?

Делаю большие глаза:

– В сетях интернета, говорят, уже больше миллион человек выставляют свои стихи. Наверняка несколько тысяч из них пишут очень хорошо.

– А зачем они все пишут, если только трёх знают?

Не сразу нахожусь:

– Ну, просто хочется свои чувства выразить, вот и пишут...

Мысленно: «И правда, зачем, коль народу – троих за глаза? Сколько времени даром уходит! А если бы все эти часы да на благо семей! Глядишь, и Россия бы процветала! Ох, не знаю, не знаю...»

